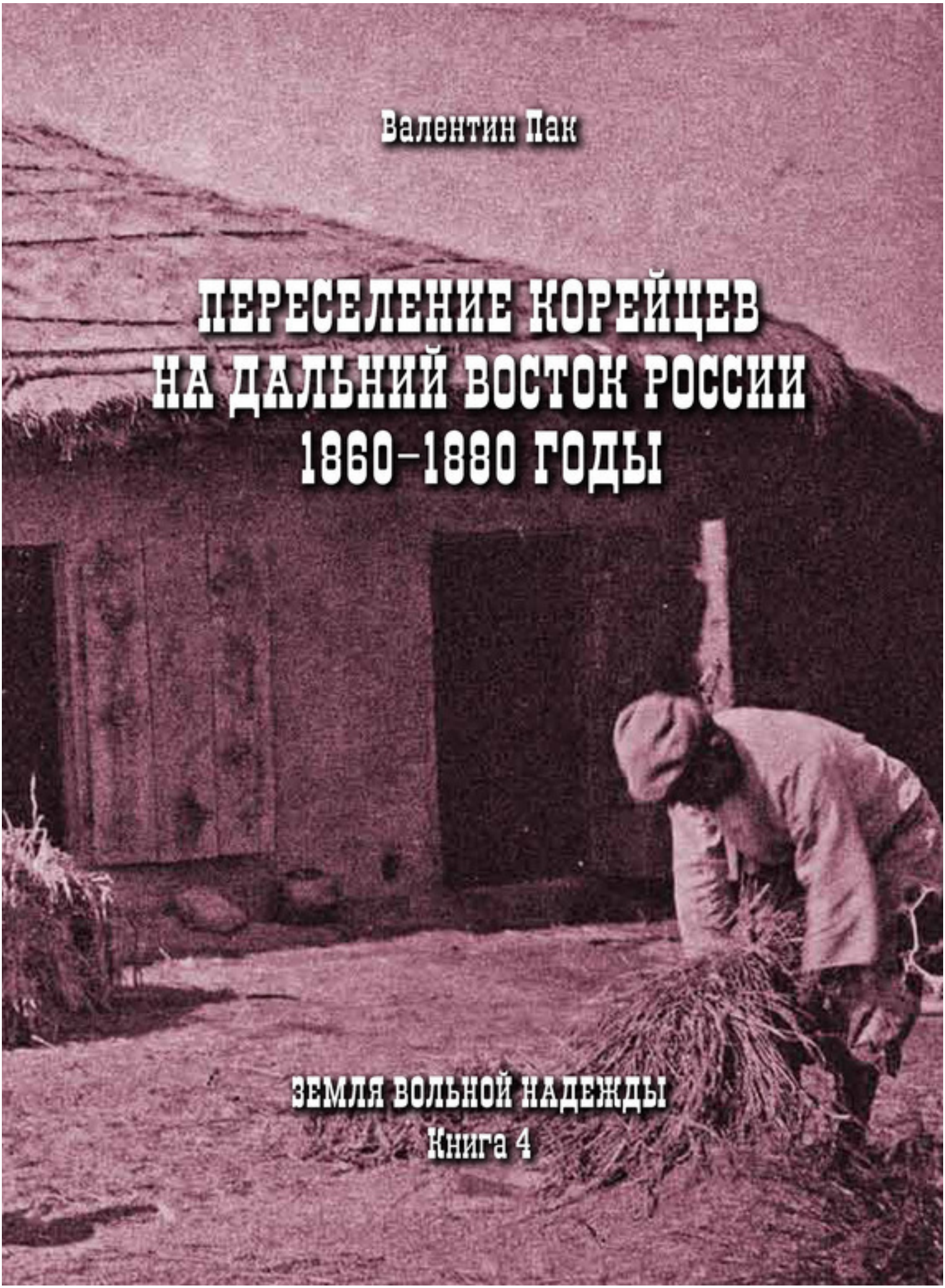
Валентин Пак
ПЕРЕСЕЛЕНИЕ КОРЕЙЦЕВ
НА ДАЛЬНИЙ ВОСТОК РОССИИ
1860–1880 ГОДЫ
ЗЕМЛЯ ВОЛЬНОЙ НАДЕЖДЫ
Книга 4

Земля вольной надежды

Валентин Пак

Переселение корейцев Дальний Восток России. 1860-1880 годы

Издательство "Валентин"

2013

УДК 94(571.6)
ББК 63.3

Пак В.

Переселение корейцев Дальний Восток России. 1860-1880 годы / В. Пак — Издательство "Валентин", 2013 — (Земля вольной надежды)

ISBN 978-5-906288-07-3

Переселение корейцев в восточные пределы Российской империи, начавшееся в первой половине 1860-х годов, было обусловлено многими причинами, в первую очередь – социальными и экономическими. В дальнейшем процесс корейской иммиграции получил и определенное политическое значение, так как затрагивал отношения России с Китайской империей и Корейским королевством. Одним из первых описал произошедшее переселение военный географ Н.М. Пржевальский в хорошо известной книге «Путешествие в Уссурийском крае, 1867–1869 г.» 1870 года издания. События того периода были и сложными, и трагическими, и не столь уж стихийными. Наиболее полно и объективно процессы, разворачивавшиеся на восточных российских территориях вокруг корейских иммигрантов, описаны в монографиях доктора исторических наук А.И. Петрова («Корейская диаспора на Дальнем Востоке России. 60-90-е годы XIX века») и заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора исторических наук, профессора Б.Д. Пака («Корейцы в Российской империи»). Кроме того, многочисленные и достаточно редкие сведения найдены в документах того периода, хранящихся в архивных фондах, а также в российских печатных изданиях, включая научные записки, отчеты, обозрения, журналы и газеты. Исследуя материалы, автор попытался воссоздать наиболее полную и достоверную картину переселения корейцев и их повседневной жизни в российских владениях.

УДК 94(571.6)
ББК 63.3

ISBN 978-5-906288-07-3

© Пак В., 2013
© Издательство "Валентин", 2013

Содержание

Введение 6
Часть 1 10
Как Корея стала соседкой России 10
Кто жил в Южно-Уссурийском крае 13
И вот пришли русские… 14
Споры вокруг года начала переселения 16
Причины переселения корейцев в Россию 21
Почему не раньше? 24
Попытки российских властей управлять переселением 26
Миссия штабс-капитана Гельмерсена 28
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Валентин Пак
Переселение корейцев Дальний Восток России. 1860–1880 годы. Земля Вольной Надежды. Книга 4

Автор приносит огромную благодарность Ивану Николаевичу Егорчеву за помощь в подборе материалов и подготовке рукописи.

Введение

Переселение корейцев в восточные пределы Российской империи, начавшееся в первой половине 1860-х годов, было обусловлено многими причинами, в первую очередь – социальными и экономическими. Б дальнейшем процесс корейской иммиграции получил и определенное политическое значение, так как затрагивал отношения России с Китайской империей и Корейским королевством. Следует заметить, что большинство историков и публицистов – как дореволюционного периода, так и современных – описывают это переселение весьма схожими выражениями. Картина представляется примерно такой: тысячи корейцев, спасаясь от неминуемой голодной смерти у себя на родине, стихийно устремились в Южно-Уссурийский край России, где были приняты с состраданием и заботой, снабжены продовольствием и расселены на пустующих землях.

Одним из первых описал произошедшее переселение военный географ Н.М. Пржевальский в хорошо известной книге «Путешествие в Уссурийском крае, 1867–1869 г.» 1870 года издания. Отметим при этом, что, учитывая период пребывания в Уссурийском крае, исследователь практически был современником развернувшихся событий, и к его непосредственным впечатлениям мы еще вернемся. Вот выдержка из главы IV книги Н.М. Пржевальского.

«К числу замечательных явлений, совершающихся последнее время на крайнем востоке Азии, следует отнести также иммиграцию корейцев в пределы России и образование ими здесь новых колоний. Густая населенность Корейского полуострова и развившиеся там вследствие этого нищета и пролетариат; грубый деспотизм, оковавший собою все лучшие силы народа; наконец, близость наших владений, обильных плодородною, нетронутою почвою – все это было сильною пружиною, достаточную даже для того, чтобы заставить и неподвижных жителей востока отречься от преданий прошлого и, бросив свою родину, искать себе, при новых условиях и новой обстановке, лучшей и более обеспеченной жизни.

И вот, боязливо, как будто еще не решаясь покончить вдруг со всем прошлым, начали мало-помалу жители ближайших к нам владений Кореи изъявлять свою готовность на переселение в русские пределы.

С нашей стороны подобное заявление было встречено с полным сочувствием, и еще в 1863 г. к нам переселилось 12 семейств.

Затем переселение повторялось каждый год, так что в настоящее время в наших пределах образовались три корейские деревни – Тызен-хэ, Янчи-хэ и Сидими (Дер. Тызен-хэ лежит в 18 верстах от Новогородской гавани в заливе Посьета; Янчи-хэ – в 14 верстах от той же гавани, а Сидими в 80 верстах севернее ее. Все три деревни расположены на берегу речек того же имени. – Прим. автора), в которых считается 1800 душ обоего пола.

Пример всех этих переселенцев сильно действует на пограничное корейское население, так что и теперь еще есть много желающих переселиться к нам. Со своей стороны, корейское правительство всеми средствами старалось и старается приостановить подобное переселение и употребляет самые строгие меры, расстреливая даже тех корейцев, которых удается захватить на пути в наши владения. Однако, несмотря на это, корейцы бросают свои фанзы, тихомолком ночью переправляются через пограничную реку Тангу (Гаоли-дзян или Тумень-дзян) и уже там, иногда даже под прикрытием наших солдат, безопасно следуют в Новогородскую гавань. До чего корейское правительство чуждается всяких сношений с русскими, можно судить уже из того, что начальник пограничного города Кыген-Пу запретил жителям под страхом смерти продавать что-либо русским и приказал уничтожить все лодки, находящиеся в городе, для того, чтобы никто из корейцев не мог переезжать на левую сторону реки, где стоит наш пограничный пост. Однако, несмотря на строгое запрещение своего начальника, жители Кыген-Пу зимою, когда замерзнет река, приходят ночью на этот пост в гости к солдатам».

Сравним текст Н.М. Пржевальского с описаниями известного литератора А.Я. Максимова из его работы «Наши задачи на Тихом океане. Политические этюды», изданной в 1894 году, через четверть века после книги Н.М. Пржевальского.

«С 16-го мая 1858 года, со дня подписания известного Айгунского трактата, мы сделались непосредственными соседями Кореи или «Азиатской Италии» (А.Я. Максимов несколько ошибается: Россия стала непосредственно граничить с Кореей на 2.5 года позже, после заключения Пекинского трактата, о чем подробнее будет рассказано ниже – В.П.)… С первого же момента нашего географического сближения с Корейским полуостровом правители последнего проявили большую подозрительность. Не желая выйти из многовековой замкнутости, корейский владыка повелел начальнику пограничного города Кыген-Пу воспретить жителям под страхом смертной казни какие-либо сношения с русскими соседями. Упомянутый начальник, покорный воле своего властителя, приказал уничтожить все перевозочные средства, бывшие в городе, и всюду расставил часовых с строгим приказанием стрелять в каждого ослушника королевского повеления. Несмотря, однако, на эти строгости, корейцы не замедлили войти с нами в тайные сношения, рискуя при этом головой. В зимнее время они скрытно переходили ночью через замерзшую пограничную реку Тумень-Ула (Гаоли-дзян – прим, авт., Туман-ган – В.П.) с единственным желанием побывать в гостях у добродушных русских солдат, расположенных по границе. Корейцы, видимо, страстно желали сблизиться с подданными могущественного Белого Царя, о котором уже издавна ходила в народе знаменательная легенда. Последняя указывала на Белого Царя как на спасителя корейцев от всех бед, как на избавителя их от дикого, страшного произвола деспотических, алчных правителей.

Под впечатлением этой легенды, а также секретных сношений с русскими солдатами, корейское пограничное население северной области Хам-Киона встрепенулось и начало готовиться к тайному переходу в наши вновь приобретенные владения, привлекавшие корейцев нетронутым плодородием и богатством почвы. Несмотря на суровые законы, каравшие за каждый переход границы смертною казнью отсечением головы, корейцы уже с 1863 года начали переселяться в Южно-Уссурийский край целыми семьями, с полным скарбом своего имущества и земледельческих орудий. Первыми прибыли в край тринадцать семейств землепашцев и просили принять их под высокую руку Белого Царя.

Их приняли радушно и поселили на реке Тызин-хэ (теперь река Виноградная, правый приток реки Гладкой в Хасанском районе Приморского края – В.П.), близ корейской границы. Эмигранты скоро обстроились и зажили в полном довольстве. Успех первой попытки произвел в Корее сильное впечатление, и эмиграция в наши пределы разом приняла

довольно обширные размеры, несмотря на все усилия корейского правительства остановить вредное для страны народное движение.

Переселенцев десятками хватали на границе и предавали смертной казни за попытку выселения, но они продолжали переплывать реку Тумень-Ула или тайком шли через Маньчжурию (северо-восточные провинции Китая – В.П.).

Наша местная администрация принимала переселенцев первое время благосклонно, видя в них не кочующих, голодных орочей, гиляков или тунгузов, не безнравственных, бессемейных маньцзи (китайцев – В.П.), а трудолюбивых, честных, высоконравственных рабочих и землепашцев, в которых чувствовался тогда в крае большой недостаток. Одних выходцев поселили на реках Янчи-хэ (теперь Цукановка – В.П.), Сидими (теперь Нарва – В.П.) и Монгучай (видимо, опечатка; правильно Монгугай, теперь Барабашевка – В.П.); других переслали на отдаленный Амур, где они основали большую колонию вблизи Благовещенска» (с. Благословенное на устье р. Самара – В.П.).

Описание А.Я. Максимова, хотя и публицистически заостренное, представляет Россию исключительно с положительной стороны, во многом повторяя и даже скрыто цитируя книгу Н.М. Пржевальского. Мало отличаются от подобной подачи работы иных дореволюционных историков, из которых, собственно, черпал сведения и факты А.Я. Максимов. Впрочем, последний посещал Южно-Уссурийский край в начале 1980-х годов и был очевидцем некоторых негативных сторон переселения корейцев в Россию, о которых он достаточно резко писал в газетных публикациях (значительно скорректировав свои впечатления в тексте более поздней книги).

Разумеется, произведения Н.М. Пржевальского и А.Я. Максимова можно рассматривать как художественные, хотя и основанные на реальных исторических фактах. Поэтому приведем небольшую цитату из сугубо официальной работы П.Ф. Унтербергера, военного губернатора Приморской области в 1888–1897 годах, составившего и издавшего историко-экономический очерк возглавляемой им области за период с 1856 года, то есть с начала ее возникновения.

В главе VI своего труда он писал: «Следует еще коснуться переселения одной народности, которая занимает видное место в составе населения края. Это корейцы. Начался их переход к нам из Кореи на нашу территорию в начале 60-х годов, сперва в ограниченном числе, а впоследствии и большими массами. Причину этого нужно искать в неурожаях, периодически повторявшихся в прилегающих к нашей границе провинциях Кореи, в выпаханной там почве и в беспощадной эксплуатации корейского населения у себя дома, своими чиновниками. Пришельцы из Кореи селились сначала в окрестностях залива Посьет, а затем распространялись по речкам, впадающим в Амурский залив с западной стороны.

В 1869 году картина совершенно изменилась. Вследствие сильных дождей в северной Корее был полный неурожай, а последствием его – голод. Около 7000 корейцев покинули свою родину, голодные толпы их перешли нашу границу и тут же очутились в беспомощном состоянии. Сначала их старались вернуть обратно, но они наотрез отказались исполнить это требование, соглашаясь скорее погибнуть у нас, чем возвратиться на родину, где их за своевольный уход за границу ожидали жестокие кары и казни. Ввиду этих чрезвычайных обстоятельств нашей администрации волей-неволей пришлось принять энергичные меры к облегчению их участи как по распределению их на зимовку, так и по прокормлению до весны. Делалось это частью из сострадания, частью из опасения, как бы не появились между ними повальные болезни, которые могли перейти и на русское население. Вначале администрация наша индифферентно смотрела на переселение к нам корейцев, в последующие же годы, до 1869 г., она относилась к этому факту даже дружелюбно, так как благодаря корейским поселениям, занимавшимся почти исключительно земледелием, подешевели земледельческие продукты в тех районах, где оседали корейские выходцы».

В действительности события того периода были и более сложными, и более трагическими, и не столь уж стихийными. По крайней мере, российские власти пытались управлять переселением корейцев (впрочем, не всегда успешно), при этом вполне осознавая и экономические, и политические аспекты столь сложного и неоднозначного процесса. Наиболее полно и объективно события, разворачивавшиеся на восточных российских территориях вокруг корейских иммигрантов, описаны в монографиях доктора исторических наук А.И. Петрова («Корейская диаспора на Дальнем Востоке России. 60-90-е годы XIX века». Владивосток: ДВО РАН, 2000) и заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора исторических наук, профессора Б.Д. Пака («Корейцы в Российской империи». Иркутск: Иркутский государственный педагогический институт, 1994). Кроме того, многочисленные и достаточно редкие сведения могут быть найдены в документах того периода, хранящихся в архивных фондах, а также в российских печатных изданиях, включая научные записки, отчеты, обозрения, журналы и газеты. Эти документы не были недоступными, но их выборочное цитирование некоторыми исследователями создавало, на наш взгляд, неполную и потому не вполне достоверную картину переселения корейцев и их повседневной жизни в российских владениях.

Часть 1
История с географией

Как Корея стала соседкой России

Многолетние усилия генерал-губернатора Восточной Сибири графа Н.Н. Муравьева-Амурского и посредническая военнодипломатическая миссия российских посланников в Китае Е.В. Путятина и Н.П. Игнатьева привели к тому что в 60-х годах XIX века установилась окончательная линия границы между Российской и Китайской империями. Начало этой стабильности было положено подписанием 16 мая 1858 года Айгунского договора с Китаем. Согласно этому договору левый берег Амура (от реки Аргунь до устья) был закреплен за Россией, правый (до впадения реки Уссури) – за Китаем. Маньчжурские поселения на левом берегу Амура остались в ведении китайских властей. Плавание по рекам Амуру Уссури и Сунгари позволялось только русским и китайским судам. Разрешалась взаимная свободная торговля русского и китайского населения. И самый важный пункт (особенно в свете будущих отношений между Кореей и Россией): территория между рекой Уссури и морем оставалась неразграниченной и была признана временно находящейся «в общем пользовании» обоих государств. При этом подразумевалось, что граница между Кореей и Китаем проходит по реке Туманган

(Тумандзян, Тюмень-Ула, Туманная).

После подписания Айгунского договора, подтвержденного Тяньцзиньским трактатом, заключенным в июле 1858 года, оставалась решить очень важную проблему: в ближайшем будущем следовало провести границу между Китаем и Россией «от реки Уссури до моря». Столь расплывчатая формулировка была вызвана тем, что географию этой местности никто толком не знал. Например, одно из описаний Приамурья тех лет повествовало, будто река Уссури вытекает из огромного озера, расположенного в горах Сихотэ-Алиня примерно в районе нынешнего города Арсеньева. Понятно, что границу между Китаем и Россией теоретически можно было провести от истоков Уссури, и тогда она вышла бы к морю примерно в районе залива Ольги. Поэтому Н.Н. Муравьев-Амурский занялся подготовкой экспедиции для исследования верховий реки Уссури (летом 1858 года это сделал М.И. Венюков) и посылкой на место разграничения отряда военных топографов для составления подробных планов и описаний граничных земель.

В октябре 1858 года он сообщал о своих планах исследователю Е.П. Ковалевскому, известному своими путешествиями в Китай: «К Перовскому я буду писать официально в отношении определения нашей границы от Уссури до моря, ибо полагаю необходимым сделать это сколь возможно поспешнее, во исполнение 9-го пункта Тянь-Цзинского трактата; предлог у нас с китайцами будет все тот же, чтоб англо-французы не захватили какой-нибудь бухты между Кореею и нашими владениями, и потому лучше, чтоб весь берег до Кореи был наш! Я, как вам писал уже, намерен отправить межевую комиссию по Уссури с вскрытием льда, т. е. 1-го апреля, и буду просить Перовского, чтобы китайская комиссия прибыла к вершинам Уссури около того же времени…» (все документы за подписью Н.Н. Муравьева-Амурского цитируются по книге И.П. Барсукова «Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский по его письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным источникам (материалы для биографии)», М., 1891 год).

К этому письму генерал-губернатора необходимы пояснения. Действительный статский советник П.Н. Перовский в это время находился в Пекине, где вел длительные и почти

безрезультатные переговоры с китайской стороной о разграничении земель. Тяньцзиньский трактат состоял из 12 статей; в целом он развивал и закреплял положения Айгунского договора. В 9-й статье говорилось, что неопределенные части границ между Китаем и Россией будут «без отлагательства исследованы на местах доверенными лицами от обоих правительств» и согласованное условие о граничной черте составит дополнительную статью к трактату. Следовательно, нужны были подробные и точные карты местностей по которым должна пройти граница. В этот довольно краткий период времени роль Н.Н. Муравьева-Амурского волею судеб оказалась определяющей в историческом плане: именно от его решения на месте и тех инструкций, что он давал топографам, зависело прохождение будущей пограничной линии «от реки Уссури до моря».

От своего намерения провести границу как можно ближе к Корее (и тем самым не дать выхода Китаю к морю) Н.Н. Муравьев-Амурский не отказался; более того, он упорно предпринимал практические усилия для этого. В то время крайним южным пределом распространения российского влияния считалось устье реки Суйфун (теперь Раздольная), которое было точно определено и нанесено на карту экспедицией астронома Л. Шварца еще в 1855 году. Именно о Суйфуне как о будущей границе с Китаем и шла поначалу речь. В этом случае Китай получал бы в свои владения значительную территорию между реками Суйфун (Раздольная) и Туманган (Тюмень-Ула), то есть весь современный Хасанский район и часть Надеждинского района Приморского края с выходом к Японскому морю, а Россия не граничила бы с Кореей. В донесении Великому Князю Константину Николаевичу от 16 ноября 1858 года Н.Н. Муравьев-Амурский писал: «Об определении нашей границы я получил отношение… от Айгунского амбаня, который сообщает, что их чиновники будут высланы к устью Уссури и к устью реки Суй-Фуна, впадающей в море; но нам желательно было бы иметь границу до бухты Посьета, что около ста верст южнее впадения Суй-Фуна; тогда бы мы владели всем приморским берегом до

Кореи, и я надеюсь, что убеждения Перовского в Пекине и наших комиссаров на местах приведут к этому результату».

Время шло; китайские власти под разными предлогами не посылали в Южно-Уссурийский край своих представителей. Для ускорения этого процесса из Петербурга в Пекин был направлен новый посланник – Н.П. Игнатьев, молодой генерал-майор. Его дипломатический подход составлял необходимый контраст с напористостью Н.Н. Муравьева-Амурского, который на китайскую сторону откровенно давил. Экспедиция подполковника К.Ф. Будогосского, отправленная из Иркутска кустью Уссури в январе 1859 года, нанесла на карту предполагаемую границу с Китаем. Топографами был основан первый военный пост на озере Ханка – Турий Рог, а в июне 1859 года они разбили лагерь на берегу залива Посьет, назвав это место бухтой Экспедиции. Между тем Н.Н. Муравьев-Амурский, не надеясь на российский МИД, отправляет личное послание в Пекин, уведомляя, что «медлить окончанием всех этих дел… неосновательною перепискою не должно, а необходимо сколь возможно поспешнее кончить, и что именно для скорейшего исполнения трактатов с моей стороны уже отправлены в места общего владения между Уссури и морем полковник Будогосский и чиновник Шишмарев, для проведения граничной черты…, а сам я отправляюсь с военными судами в те же места безотлагательно».

В июне 1859 года Н.Н. Муравьев-Амурский осмотрел с борта пароходо-корвета «Америка» побережье от мыса Поворотного до реки Тюмень-Ула (Туманган), встретился в Новгородской бухте (залив Посьета) с отрядом К.Ф. Будогосского, на месте познакомился с линией будущей сухопутной границы… Между тем в специальной инструкции российского МИДа, доставленной сюда курьером, говорилось, что границу следует «закончить у моря, не уклоняясь к югу», чтобы не захватить Посьетскую гавань и устье Тюмень-Улы. Генерал-губер-

натор имел другое мнение и практически действовал самостоятельно, вопреки указаниям дипломатического ведомства.

25 июля 1859 года Н.Н. Муравьев-Амурский в частном письме сообщал из залива Посьета генерал-майору М.С. Карсакову, в то время военному губернатору Забайкальской области: «Бухту Посьета мы отмежевываем себе и границу проводим до устьев Тюмень-Улы, которая составляет границу Кореи с Китаем. Не хотелось бы захватывать лишнего, но оказывается необходимо: в бухте Посьета есть такая прекрасная гавань, что англичане непременно бы ее захватили при первом разрыве с Китаем. Я уверен, что убеждение это подействует и в Пекине. При устье реки Суй-Фуна, немного северо-восточнее бухты Посьета, множество прекрасных заливов. Вообще все это пространство морского берега, от Посьета до Поворотного мыса, верст на 200, изобилует прекрасными заливами и гаванями, столь привлекательными для морской державы, что англичане (если бы это оставалось китайским) все захватили бы, тем более, что в 1855 году они все эти места видели, описали и даже карты издали».

Итак, российское «убеждение» подействовало – ввиду вполне реальной угрозы обоснования здесь англичан Китаем было сочтено за лучшее уступить настойчивому требованию России. Вычерченные лично К.Ф. Будогосским карты были доставлены в Пекин и там официально признаны. Разграничительная линия в итоге отошла от реки Уссури по реке Сунгача, пересекла озеро Ханка, прошла по горам и уперлась в территорию Кореи в 20 китайских ли (около 11.5 километров) выше впадения реки Тюмень-Ула (Туман-ган) в Японское (Восточное) море. Карта с обозначением линии этой границы стала частью Пекинского трактата, подписанного в ноябре 1860 года и окончательно закрепившего все ранее не решенные вопросы российско-китайских отношений. В соответствии с Пекинским трактатом в состав Приморской области России был включен Южно-Уссурийский край, и таким образом разграничение между Россией и Китаем распространилось на корейские пределы: естественным образом была установлена пограничная линия между Российской империей и Королевством Чосон (Корейским королевством), которое в то время в лице цинского Китая признавала своего сюзерена. Пограничные столбы на крайнем участке границы между Россией и Китаем – от озера Ханка до моря – были установлены в 1861 году. С этого времени в нижнем течении реки Туманган Корея стала практически граничить с Россией, хотя на официальном межгосударственном уровне это никак не было отражено.

Впрочем, некоторые исследователи утверждают, что по крайней мере в продолжение еще нескольких лет факт установления границы не был известен центральному корейскому правительству. Как известно, официальные дипломатические отношения между Россией и Кореей были установлены только в 1884 году. Тем не менее прямые межграничные отношения на бытовом уровне начали проявляться с начала 1860-х годов;

Кто жил в Южно-Уссурийском крае

Южно-Уссурийский край ко времени заключения Пекинского трактата был очень неплотно населен аборигенными народами и частично – выходцами из Китая (манзами), которые жили в основном по долинам рек Суйфун (Раздольная), Лефу (Илистая), Даубихэ (Арсеньевка), Улахэ (Уссури), Цимухе (Шкотовка) и Сучан (Партизанская). По данным одного из первых исследователей края, подполковника Генерального штаба И.П. Надарова, в 1860 году в Уссурийском крае проживало 872 души манзовского оседлого населения (И.П. Надаров. Инородческое население Уссурийской страны (Северно- и Южно-Уссурийского края). Владивосток, ОИАК, 1885 г.). При подсчете автор опирался на сведения подполковника корпуса лесничих А.Ф. Будищева, обследовавшего край в 1860–1864 годах, и перепись В. Висленева 1878–1879 годов (о ней речь впереди). Добавляя в общий состав населения также немногочисленных аборигенов, о проживающих в крае в 1860 году корейцах

И.П. Надаров не сообщает. В той же работе он подытоживает: «До 1863 года инородческое население Уссурийской страны состояло из манз, гольдов и орочонов. Корейцы стали появляться в наших пределах только с 1863 года» (И.П. Надаров. Инородческое население Уссурийской страны…).

Совпадают с этими данными и личные впечатления очевидца – второго (после прапорщика Н.В. Комарова) начальника поста Владивосток лейтенанта Е.С. Бурачка, жившего здесь в 1861–1863 годах и неоднократно совершавшего поездки на юг края, в район залива Посьета, и в китайский город Хуньчунь. «Жители здешних мест, выходцы из Китая, называют себя манза… Кроме манз, в этом крае есть очень малочисленное племя таза, имеющее жен» (Е.С. Бурачек. Воспоминания заамурского моряка. Жизнь во Владивостоке. 1861–1862 гг. ОИАК, Владивосток, 1999). О корейцах он также не упоминает.

Имеются сведения, что первые корейцы-одиночки появились на этой ничейной территории (возможно, и не предполагая, что она может принадлежать какому-то государству) в 1857 году или даже в первой половине 50-х годов XIX века. Например, современная исследовательница С.Г. Нам считает, что «в Южно-Уссурийском крае до его присоединения к России проживала какая-то часть поселившихся еще во времена китайского господства корейцев, численность которых установить не было возможности»; эти, по ее мнению, несколько тысяч человек жили «вдали от людских глаз с куском самозахваченной казенной земли».

В обширном отчете уполномоченного Министерства иностранных дел В.В. Граве «Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье» указывается: «Еще до 1863 года во Владивостоке и в Южно-Уссурийском уезде (тогда округе) стали появляться корейцы одиночками в небольшом количестве, исключительно на летние заработки, возвращаясь осенью обратно».

Некоторые исследователи, используя данные переписи корейского населения Владивостокского округа 1929 года, косвенным методом «обратного отсчета» вычисляют, что корейцы селились в нынешнем Приморье с 1849 года. По данным корейских историков, после заключения Пекинского трактата на территории России оставалось на поселении 5130 корейцев (761 семья), однако официальных подтверждений этому факту в российских документах не найдено.

И вот пришли русские…

Как известно, летом 1860 года были основаны первые военные посты в Южно-Уссурийском крае – Новгородский в заливе Посьета и Владивосток. Приграничные китайские (маньчжурские) власти отнеслись к приходу русских настороженно и даже недружелюбно; среди китайцев бытовало мнение, что занятие Россией Южно-Уссурийского края – явление временное. Так, зимой 1860–1861 гг. «явились китайцы к Ч. (имеется в виду штабс-капитан И.Ф. Черкавский, начальник Новгородского поста с июня 1860 года по июль 1863 года – В.П.) с объявлением, что на него будет сделано нападение, для которого хунчунский начальник собрал в городе более 600 человек войска» (Е.С. Бурачек. Воспоминания заамурского моряка…). Через несколько дней в пост Новгородский прибыли два китайских чиновника в сопровождении свиты и конвоя из 30 маньчжур. Они потребовали от И.Ф. Черкавского, «чтобы он оставил пост со всеми людьми». На следующий день дело дошло даже до перестрелки между российскими и китайскими (маньчжурскими) войсками… В феврале 1862 года, когда лейтенант Е.С. Бурачек поехал в город Хуньчунь, он не решился открыть свою должность, назвав себя купцом, а местный нойон, которому Е.С. Бурачек вручил текст Пекинского трактата на китайском языке, заявил: «Этого трактата мне не присылали, а потому пускать русских купцов в Хуньчунь не могу…».

В январе 1863 года в Хуньчунь с целью установления торговых отношений вновь приезжали Е.С. Бурачек и купец Я.Л. Семенов, но «встретили такую массу препятствий со стороны китайских властей, что из их попытки ничего не вышло, кроме жалобы местных властей своему высшему правительству и переписки, затеянной последним с нашим посланником в Пекине» (Н.П. Матвеев. Краткий исторический очерк г. Владивостока. Владивосток: Уссури, 1990).

Из приведенных примеров понятно, что китайские (маньчжурские) власти приграничных территорий стремления установить добрососедские связи не проявляли. Находившиеся под сильным влиянием цинского Китая корейцы также вели себя крайне осторожно, так что в этот период ни о каком свободном переселении корейцев на русскую территорию не могло быть и речи. Приведем еще одно свидетельство очевидца. Все тот же Е.С. Бурачек писал в журнал «Морской сборник» в декабре 1862 года: «Несколько корейцев с семьями желают переселиться на нашу землю; их заманивает 20-летняя льгота не платить податей, но они боятся, что русские солдаты будут отнимать у них жен. Подобные басни, как оказывается, распускают китайские чиновники, которые лишаются нескольких лан серебра (лан около 8 золотников) с каждой семьи. Весной узнаем, насколько корейцы самостоятельны…».

Русский торговец И. Носков, ездивший летом 1862 года по торговым делам из Новгородской гавани в заливе Посьета в китайский город Хуньчунь, писал, что «отношения наши к китайцам, которых здесь называют манзами, и корейцам установились весьма и довольно благоприятно. Все они ищут источников для сбыта своих произведений, приобретая от нас преимущественно серебро». При встрече И. Носкова с корейскими торговцами последние сообщали, что «если они торгуют с русскими, то тайно» от своих пограничных властей, которые «если узнают об этом, то все купленное отнимают», как делают с ними и маньчжурские власти, «когда поймают корейца на их стороне». *«Я* вынес впечатление, – писал И. Носков, – что корейцы весьма желают с нами сблизиться и торговать, и будут делать это, разумеется, тайно от своих начальников, пока не будет дано дозволения, которое нужно добиваться дипломатическим путем; а между тем полезно было бы оказать покровительство этой торговле. Оставлять это дело без внимания не следует, – народ корейский стоит того, чтобы с ним сблизиться» (И. Носков. Отношения русских к китайцам и корейцам. – Кяхтин-ский листок, 1862,10 сентября. Цитируется по: Б.Д. Пак. Корейцы в Российской империи).

Жившие близ границы корейцы, безусловно, на уровне слухов знали, что происходит по другую сторону реки Туманган (вспомним зафиксированную А.Я. Максимовым легенду о Белом Царе как спасителе корейцев от всех бед). Так что трансграничный стихийный обмен начался как бы сам собой, вполне естественным образом. Уже упомянутая С.Г. Нам замечает по этому поводу: «В приграничных землях любых государств бывают взаимные разрозненные просачивания населения через границу, и это всегда рассматривалось как естественное, как исторически неизбежное и потому обычное явление» (С.Г. Нам. Российские корейцы: история и культура…). Надо также отметить имеющиеся неофициальные сведения о том, что русская администрация края низшего звена «заманивала» корейцев – жителей соседних территорий под свое покровительство. Так, публицист В.И. Вагин впоследствии отмечал, что «поводом к эмиграции отчасти было приглашение прежних начальников поста».

«… Со времени основания в 1860 году Новгородского поста в заливе Посьета его первый начальник капитан Чернявский (правильно И.Ф. Черкавский – В.П.) сумел привлечь к себе корейцев, защищая их от нападений китайских разбойников, которые вторгались с территории Маньчжурии. Вследствие этого зимой, когда бухта Экспедиции замерзала и сообщение с Кореей делалось удобным, корейцы, минуя китайскую территорию, из пограничного корейского города Кёнхын приходили в Новгородский пост со скотом для продажи. Они предлагали Чернявскому свои услуги в части нахождения «новых охотников для переселения», если позволят им привести с собой семейства» (Б.Д. Пак. Корейцы в Российской империи…). Как в этой обстановке действовал И.Ф. Черкавский – будет сказано несколько ниже, а сейчас посмотрим на проблему несколько шире.

После присоединения Южно-Уссурийского края перед российскими властями встала задача освоения восточных окраин страны или, как тогда без стеснения говорили, колонизации новых территорий. Брошенные «на прорыв» казаки Амурского казачьего войска, разумеется, ввиду своей малочисленности решить эту проблему не могли: их по большому счету не хватало даже для охраны пограничной линии. Требовалось перемещение к берегам Тихого океана огромного количества людей, которые могли бы стать рабочей силой – главным ресурсом колонизации. Между тем переселение русских крестьян из центральных и западных губерний шло крайне незначительными темпами. По данным Ф.Ф. Буссе, который много лет занимался переселенческим делом, в течение 1863–1870 годов в Южно-Уссурийский край переселилось 2266 человек русских крестьян. Распределение по годам было следующим: 1863 год – 361, 1864 год – 382, 1865 год – 95, 1866год—731,1867год-230,1868 год—360,18б9год-252,1870год-651 человек, а в период 1871–1882 годов – всего 632 человека. Причем хуже всего шло организованное заселение крайнего юга Уссурийского края, где он граничил с Кореей. Позже, подводя итоги этого процесса, уполномоченный Министерства иностранных дел Б.В. Граве отмечал: «Одновременно русское переселение в Посьетский участок шло медленно, и даже поселившиеся в районе ныне Ново-Киевского Урочища (район совр. с. Краски-но Хасанского района) русские крестьяне не нашли здесь для себя пригодных земель для хлебопашества и переселились севернее, в окрестности озера Ханка и р. Уссури»

Вот в таких условиях и начался стихийный исход корейских подданных на практически пустынную территорию, только что ставшую российской.

Споры вокруг года начала переселения

Надо отметить, что относительно года первого переселения корейцев на российскую территорию среди исследователей имеются разногласия. И.П. Надаров, Н.М. Пржевальский и А.Я. Максимов, как мы уже видели, считают таким рубежом 1863 год. В.И. Вагин, автор обширной, очень информативной и откровенной работы «Корейцы на Амуре» (1875 год), Н.А. Насекин в историческом очерке «Корейцы Приамурского края» (1896 год) и В.В. Граве в обстоятельном отчете «Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье» (1912 год) также называют 1863 год. Следующий, 1864 год как дата основания первого поселения корейцев на русской территории упоминается в докладной записке полковника Ольденбурга от 25 сентября 1864 года (будет полностью приведена ниже), а также в работах 1899 года чиновника особых поручений Переселенческого управления А.А. Риттиха (Переселенческое и крестьянское дело в Южно-Уссурийском крае) и делопроизводителя канцелярии Приамурского генерал-губернатора Е.Т. Смирнова (Приамурский край на Амурско-Приморской выставке 1899 года в г. Хабаровске). Что касается современных авторов, то в упомянутых монографиях Б.Д. Пака и А.И. Петрова также приводятся разные даты: у первого 1863-й, а у второго 1864 год. Возможно, причиной расхождения в столь, казалось бы, очевидном вопросе является неясное (или излишне широкое) толкование понятия «начало переселения». Если таковым считать первый достаточно организованный переход корейцев через границу, то правомерно называть 1863 год; если же брать за точку отсчета образование первого корейского поселения на российской территории, то это, несомненно, 1864 год.

М.П. Пуцилло, занимавшийся расселением корейцев в России в 1870–1871 годах, о чем будет более подробно рассказано ниже, в предисловии к составленному им русско-корейскому словарю писал: «В 1863 году первые выходцы в числе 12 семейств, поселившись в пограничных русских владениях, заняли хорошие участки земли…». Однако тут же он делает важное примечание: «По официальным сведениям, первоначальное переселение возникло в 1864 году, когда перешло 60 душ обоего пола, поселившихся на р. Тизен-хэ».

Здесь для нас имеет значение такое различие: М.П. Пуцилло вполне уверенно заявляет, что первое переселение датируется 1863 годом, но «по официальным сведениям» (выделено нами) оно произошло на год позже. На этом вопрос о времени первого переселения можно считать закрытым…

Обратимся к работе Б.Д. Пака. Упомянув, что начальник Новгородского поста И.Ф. Черкавский «сумел привлечь к себе корейцев», а последние предлагали ему «свои услуги в части нахождения «новых охотников для переселения», автор продолжает: «Капитан Чернявский (правильно Черкавский) не решался удовлетворить просьбу корейцев, но сменивший его в 1863 году поручик Резанов разрешил одному корейцу, жившему уже несколько лет в тех местах, перевезти не только свое семейство, но и других соотечественников, которых поселили в долине реки Тизинхэ» (Б.Д. Пак. Корейцы в Российской империи…). Источник таких сведений автор не указывает.

И еще одна цитата из книги Б.Д. Пака: «Беря на себя ответственность за последствия такого разрешения, Резанов основывался на «Правилах для поселения русских и инородцев (правильно «иностранцев») в Амурской и Приморской областях», по которым разрешено было селиться в этих областях всем русским и иностранцам, имеющим увольнительные свидетельства от своих правительств. С корейцев же нельзя было требовать таких свидетельств, поскольку между Россией и Кореей тогда еще не было установлено дипломатических отношений» (там же).

Действительно, 27 апреля 1861 года императором Александром II был высочайше одобрен законопроект под названием «О правилах для поселения русских и иностранцев в

Амурской и Приморской областях Восточной Сибири». Суть его сводилась к следующему: «Государь Император по положению Сибирского Комитета Высочайше соизволил повелеть, для поселения в областях Амурской и Приморской Восточной Сибири, постановить следующие правила: 1. В сих областях дозволяется селиться всем вообще желающим, как русским, так и иностранцам, но с соблюдением условий, ниже изложенных…». Далее документ содержал еще 12 статей, в которых излагались условия поселения и разъяснялись даваемые переселенцам льготы, и в их числе – освобождение навсегда от уплаты подушных податей и на 20 лет от поземельной подати. Амурская и Приморская области были объявлены правительством открытыми для заселения «крестьянами, не имеющими земли, и предприимчивыми людьми всех сословий, желающими переселиться за свой счет».

Поскольку Б.Д. Пак не ссылается на какие-либо документальные источники, возникает несколько вопросов к его авторскому тексту. Во-первых, очень сомнительным представляется тот факт, что на руках у Резанова был этот документ. Может быть, он слышал о нем или имел соответствующее распоряжение высшего начальства, но архивы, к сожалению, не сохранили таких свидетельств. Во-вторых, вряд ли начальник поста в чине поручика мог юридически грамотно толковать закон. И, в-третьих: Резанов лично, разумеется, не мог разрешить корейцам поселиться на русской территории – у него просто не было таких прав по должности. Что и подтверждается следующими документами из Российского государственного исторического архива Дальнего Востока.

30 ноября 1863 года начальник Новгородского поста, командующий 4-й ротой 3-го линейного батальона Восточной Сибири поручик Резанов (инициалы его неизвестны) в рапорте военному губернатору Приморской области П.В. Козакевичу (П.В. Козакевич или Казакевич, контр-адмирал, первый военный губернатор Приморской области Восточной Сибири в 1856–1865 годах) доложил, что к нему «обращались уже с просьбой несколько корейцев о позволении им селиться в числе 20 семейств по речке Тизинхе (теперь река Виноградная) в 15 верстах от поста, где в настоящее время построено ими 5 или 6 фанз». При этом корейцы заявили, что они переселятся туда только «с тем условием, чтобы на месте их поселения выстроить русский дом для помещения хотя бы пяти человек солдат, которые могли бы служить обеспечением их безопасности от манджуров, без чего манджуры будут их убивать, несмотря на то, что они находятся в русских границах». Если русскими будет обеспечена их безопасность, уверяли корейцы, «тогда они готовы переселиться еще в числе ста семейств». П.В. Козакевич счел возможным удовлетворить просьбу корейцев о поселении на российской территории и в мае 1864 года предписал поручику Резанову выстроить караульный дом в месте их расположения для защиты от возможных нападений маньчжуров. Заметим, что, судя по ответу, военный губернатор Приморской области по своей должности имел такие полномочия – в отличие от начальника поста, спрашивавшего официального разрешения начальства. А по дате ответного письма – через пять месяцев после рапорта Резанова! – можно предположить, что и военный губернатор обращался с этим вопросом в вышестоящие инстанции (чему документальных подтверждений, впрочем, не найдено). В том же предписании от 4 мая 1864 года П.В. Козакевич велел Резанову принять «самые энергичные меры к ограждению их безопасности и спокойствия», поскольку корейцы, переселившиеся в российские пределы, «могут пользоваться полною свободою и покровительством русских законов».

Это предписание было получено Резановым, когда само переселение фактически уже произошло: более 60 корейцев, перешедших границу по сути самовольно, жили на реке Тизинхэ в выстроенных ими восьми фанзах, имея огороды, пашни и даже скот. Начальнику военного поста оставалось только констатировать свершившийся факт, что он и сделал в очередном рапорте.

«21 сентября 1864 года начальник Новгородского поста (поручик Резанов) донес военному губернатору, что корейцы поселились на р. Тизинхэ и прилежно занимаются хлебопашеством, и просил разрешения открыть им сбыт хлеба, преимущественно гречихи, в казну; построить мельницу и оказать денежное пособие, уплатив их долг, 200 руб., китайцу Ли за семена и продовольствие во время зимы. Представление это было охотно уважено. Генерал-губернатор Карсаков (М.С. Карсаков или Корсаков, генерал-лейтенант, генерал-губернатор Восточной Сибири в 1861–1871 годах), по дошедшим до него сведениям, письмом от 16 ноября 1864 года за № 581 просил адмирала Козакевича, ввиду особой важности заселения края, оказывать «туземцам», желающим «прочно поселиться» в наших пределах, покровительство и пособие продуктами, на первое время лишь в самом необходимом размере, из экстраординарных сумм» (Н.А. Насекин. Корейцы Приамурского края. Краткий исторический очерк переселения корейцев в Южно-Уссурийский край, с картою. Труды Приамурского отдела ИРГО. Хабаровск, 1896). О такой реакции М.С. Карсакова позже – уже в историческом плане – сообщала и хабаровская официозная газета «Приамурские ведомости» (приложение к № 83 газеты «Приамурские ведомости» за 1895 г., с. 1).

Заметим, что генерал-губернатору доложил об этом, очевидно, военный губернатор Приморской области (предположительно никак не позже сентября, а скорее всего еще весной или летом 1864 года). И.П. Надаров в работе «Инородческое население Уссурийской страны…» без ссылки на источник упоминает о таком факте: «В 1864 году военный губернатор Приморской области контр-адмирал Казакевич представил на разрешение генерал-губернатору Восточной Сибири генералу Корсакову вопрос о подданстве переселяющихся к нам корейцев. В то время генерал-лейтенант Корсаков дал по этому поводу самые неопределенные указания». Однако в тексте «Всеподданнейшего отчета по управлению Восточной Сибирью за 1864 год» М.С. Карсаков, подводя первые итоги переселения корейцев на российскую территорию, отмечал: «Эти корейцы в первый же год посеяли и собрали столько хлеба, что могли обойтись без всяких с нашей стороны пособий… Есть слух, что по примеру их намерены переселиться к нам еще до ста семейств корейцев, каковое переселение, в видах скорейшего в Приморской области развития хлебопашества и обеспечения ее через то собственным хлебом, весьма желательно, так как известно, что люди эти отличаются необыкновенным трудолюбием и склонностью к земледелию».

Примерно в это же время в Новгородской бухте побывал полковник Ольденбург (инициалы неизвестны – В.П.), исправляющий должность инспектора линейных батальонов Восточной Сибири, расположенных в Приморской области. 25 сентября 1864 года, вернувшись в г. Николаевск, он пишет обстоятельную докладную записку военному губернатору Приморской области. Приводим ее полностью.

«При осмотре мною 4-й роты линейного 3-го батальона Восточной Сибири, расположенной в гавани Новгородской, командующий этой ротой мне доложил, что четырнадцать семейств в числе шестидесяти пяти душ обоего пола перешли из Кореи в январе месяце сего года в Приморскую область, построили фанзы в верстах 15 от поста Новгородского, успешно занимаются огородничеством, земледелием и обещают по своему трудолюбию быть вполне полезными хозяевами. Это заявление породило во мне желание увидеть быт этих переселенцев на месте их жительства и я отправился в падь Тизирах (т. е. на реку Тизинхэ – В.П.), где они поселены. Действительно нашел 8 фанз, очень чисто отстроенных, большие хорошо устроенные огороды, земли, засеянной будою, ячменем, гречихой и кукурузой, до 15 десятин. Такие результаты труда, произведенные менее чем в один год, обещают действительную пользу для края от подобных переселенцев и посему я считаю своим долгом донести об этом до сведения вашего превосходительства, тем более, что, по словам поручика Резанова, около 100 семейств изъявили желание поселиться на наших землях, но опасаются выдачи обратно в Корею, где они по существующим там законам за выселение будут подвергнуты

смертной казни. При этом считаю не лишним присовокупить, что при заселении корейцев на наших землях особенных расходов на них не предвидится, они имеют довольно значительное число рабочего скота, все земледельческие орудия и, если потребуют помощи, то только в выдаче им до первого урожая заимообразно на пропитание буды (вид проса – В.П.), которую довольно дешево можно приобресть от маньчжур в пограничном городе Хунчун; для того же, чтобы приохотить корейцев сеять рожь, ярицу и овес, достаточно будет дать им бесплатно на первый раз семена».

Это была самая первая из относительно организованных групп корейских переселенцев, которая в 1864 году основала деревню Тизинхэ, переименованную в 1865 году П.В. Козакевичем в слободу Резаново. «Резанов выдал корейцам взаимообразно из интендантского провианта роты около ста пудов муки с тем, чтобы все они при первом же урожае вернули долги. Кроме того, среди корейских домиков был построен небольшой пост, в котором поселили четырех солдат для охраны корейцев» (Б.Д. Пак. Корейцы в Российской империи…).

По данным из работы полковника А. Рагозы, в 1864 году корейские переселенцы жили в основном в селениях Тизинхэ – 8 дворов, 44 человека и Новая Деревня – 9 дворов, 53 человека (согласно Н.А. Насекину, «Новая деревня» – по-корейски Чурихэ, расположена в долине речки того же наименования, впадающей в Бухту Экспедиции и находится в 2 вер. от Хунчунского караула, следовательно, почти в таком же расстоянии от китайской границы. Основана она… выходцами из Тизинхэ и Янчи-хэ), а также по одной семье в Адими и Фаташи (предположительно совр. Пойма и Камышовый Хасанского района – В.П.). С 1865 года корейцы стали расселяться по рекам Сидими, Янчи-хэ и Монгугай (теперь соответственно Нарва, Цукановка и Барабашевка в современном Хасанском районе – В.П.), где впоследствии появились одноименные поселения.

По данным из работ Б.Б. Граве и Н.А. Насекина, в 1864 году в Россию перешло 60 семей корейцев в количестве 308 человек и заняли 227 десятин «казенной земли», в 1865 году – 65 семей (343 человека), в 1866 – 90 семей (546 человек). Надо заметить, что эти цифры, взятые из разных источников, несколько отличаются друг от друга, но одно несомненно – так началось корейское семейное переселение в Россию.

Согласно первой переписи корейского населения в Южно-Уссурийском крае, произведенной Ф.Ф. Буссе, чиновником особых поручений при генерал-губернаторе Восточной Сибири, на 1 января 1867 года корейских переселенцев насчитывалось 999 человек в составе 185 семей (мужчин – 553, женщин – 446). В слободе Резаново по реке Тизинхэ постоянно жил 661 человек, временно – 249; на реке Сидими – 54 человека, на реке Монгугай – 35 человек. Автор также приводит данные о количестве скота (всего 166 голов рогатого скота и 11 лошадей на все корейское население) и площади обработанных земель – на одного человека приходилось в среднем около полдесятины, а также показатели долгов: примерно по 44 копейки и по 1.5 пуда чумизы на человека. Подчитанные Ф.Ф. Буссе цифровые индексы говорят о том, что экономическое положение корейских переселенцев было крайне слабым.

Действительно, основную массу составляли бедные крестьяне, хотя в целом состав переселенцев был весьма неоднородным. «В пособие им выдавались: чумиза, покупавшаяся по 35 коп. за пуд и быки с коровами, купленные средней ценой по 12 руб. у манчжур. За первые 3 года выдано было корейцам из сумм Морского Министерства: чумизы на 1032 руб. 40 к. и скота на 286 р. С 1865 года стали появляться у нас зажиточные эмигранты, между коими нашелся даже один дворянин – чиновник (Нямбони-Цой) Ингуго Хан, явившийся с 3-мя женами и 17 рабами, которые, разумеется, были освобождены нашим правительством, с обязательством с их стороны отработать своему хозяину ту сумму, за которую они были куплены» (Н.А. Насекин. Корейцы Приамурского края…). Заметим, что позже этот дворя-

нин был переводчиком на русской службе, и его (под разными вариантами имени) упоминали многие очевидцы событий того времени.

Причины переселения корейцев в Россию

Практически все исследователи, как дореволюционные, так и современные, основными причинами переселения считают экономические трудности и сложное внутриполитическое положение в Корее того времени. А.И. Петров в работе «Корейская диаспора на Дальнем Востоке России…» достаточно полно освещает этот вопрос: «Корейская иммиграция на русский Дальний Восток началась переселением крестьянских семей корейцев, которые шли в Россию с намерением уже никогда не возвращаться обратно в Корею или во всяком случае до тех пор, пока ее правительством не будут отменены суровые законы в отношении эмиграции. Объяснение таких настроений первых корейских иммигрантов кроется в том, что феодальная Корея в тот исторический период переживала последнюю стадию самоизоляционизма, который завершился лишь в 1876 г. подписанием с Японией Канхваского договора. На 50-е—60-е годы XIX столетия пришелся пик эпохи самоизоляционизма в Корее… Политика самоизоляционизма, проводимая корейским правительством, носила тогда тотальный характер и являлась своего рода естественно-защитной реакцией на попытку «великих держав» открыть Корею… Присоединение Южно-Уссурийского края к России вызвало усиление корейской политики самоизоляционизма в северо-западном направлении, что, повидимому, не обошлось без давления на Сеул со стороны цинского Китая… Категорическое запрещение корейцам переселяться на российскую территорию было вполне естественным с точки зрения интересов Корейского государства, как и любого другого… О том, что законы, охранявшие изолированность Кореи, действовали, свидетельствует следующий исторический факт. В июне 1864 г. в провинции Хамген чиновник и еще один человек, обвиненные в пересечении корейско-русской границы, «были обезглавлены на берегу Тумэни в знак предупреждения против аналогичных нарушений закона. Это был первый из многих таких случаев» (цитата из работы корейского историка Чин Ён Цоя)… Приведенных фактов вполне достаточно, чтобы понять, что ни о каком свободном переселении корейцев на русскую территорию в то время не могло быть и речи.

А.И. Петров также указывает, что «в Корее в то время тяжесть налогов, сборов и просто поборов была для многих корейских крестьян непосильной». В двухтомном советском академическом издании «История Кореи» говорится, что «тягчайшим бедствием оставался военный налог», а особенно тяжелыми для простых корейцев были «земельный и множество других налогов, которые все чаще взимали деньгами», что вело корейское крестьянство к протестам и даже восстаниям.

Упоминавшийся выше М.П. Пуцилло писал примерно то же самое: «Население двух северных провинций Кореи, вообще бедных и бесплодных, не раз испытывало неурожай и неразлучный с ним голод. Если к этому прибавить большие налоги и подати хлебом, которыми обложены жители несоразмерно с их средствами и сверх того страшный гнет, которому они подвергаются со стороны чиновников, то станет совершенно понятно, почему беднейшие из жителей этих двух провинций решились оставить родину и переселиться в соседние русские земли… Несмотря на все лишения, которые приходилось испытывать переселявшимся корейцам, они не только не помышляли о возвращении на родину, но старались как можно скорее закрепить себя на русской почве. К этому побуждало их отчасти опасение попасть вновь под иго и месть ненавистного для них правительства Кореи, но вместе с тем и сознание превосходства нашей культуры и нашей религии».

Вспомним уже цитировавшуюся книгу Н.М. Пржевальского, в которой он причинами иммиграции корейцев называл «густую населенность Корейского полуострова и развившиеся там вследствие этого нищету и пролетариат», а также «грубый деспотизм, оковавший собою все лучшие силы народа». А вот высказывание по этому поводу известного сибир-

ского историка и публициста В.И. Вагина (1875 год): «Не менее важно было это переселение и в политическом смысле. Оно составляло явный протест корейского населения против деспотизма его правительства. Оно в то же время доказывало, что русский порядок управления корейцы предпочитают всем другим известным им порядкам». Соглашаясь с причинами переселения, указанными Н.М. Пржевальским, В.И. Вагин добавляет к ним тягость военной службы: по его мнению, «значительное число перешедших к нам корейцев были военные дезертиры».

Почти через 20 лет после Н.М. Пржевальского, в 1885 году, газета «Восточное обозрение» (Иркутск) называла причинами переселения корейцев в пределы России своеволие дворян, продажность и злоупотребления чиновничества, отсутствие правильного судопроизводства, произвол, жестокость и рабство в Корее… «Такое значительное переселение корейцев в наши пределы объясняется разнообразными причинами, с одной стороны сильным истощением почвы в прилегающих к нам северных провинциях Кореи, рядом неурожаев и самой беззастенчивой эксплуатацией населения местными корейскими чиновниками, известными на всем Дальнем Востоке за искусных взяточников; с другой стороны наличием в наших пределах почвы, подходящей вполне для их культуры, и особенно предупредительное к ним отношение первых русских начальников края» – это выдержка из отчета 1912 года уполномоченного российского МИДа В.В. Граве.

Н.А. Насекин, чиновник по особым поручениям при Приамурском генерал-губернаторе, в историческом очерке «Корейцы Приамурского края» (1896 год) отмечал, что, кроме «нужды и голода, вызванных бесконечными вымогательствами алчных корейских чиновников», одной из причин «явилось твердое убеждение корейцев, что в России они получат полноправность, которой были лишены в Корее до того, что никто не располагал не только своей собственностью, но и жизнью».

Уже упомянутый А.Я. Максимов в книге «На далеком Востоке» так говорил о мотивах перехода корейцев в Россию: «Чтобы выяснить истинные причины замечательной эмиграции азиатской, дикой народности в русские пределы, следует обратить внимание на то тяжелое, исключительное положение, в котором находятся корейцы на своей родине. Корейское правительство обращается с подданными своевольно и бесчеловечно. Народной собственности в Корее не существует; все безраздельно принадлежит владеющему классу: сбережения отбираются в казну. При себе разрешается иметь только необходимую пищу, одежду и живность: деньги для народа – запрещенный плод. Кореец счастлив, если у него есть горсть рису – утолить голод и чашка воды – утолить жажду; он рад отдать все, чтобы только была оставлена ему его жизнь, а также не были бы затронуты жизнь и спокойствие его семейства».

Чтобы не создавалось впечатления, что подобное мнение о положении в Корее высказывали только российские авторы, приведем цитату из книги «История Кореи», изданной в наше время в Сеуле.

«В XVIII веке при королях Ёнчжо и Чончжо благодаря политике примирения в стране наступил период относительной стабильности и порядка. Однако после Чончжо, при королях Сунчжо, Хончжоне и Чхольчжоне, был установлен так называемый режим влиятельных кланов. В это время короли были отстранены от практической политики и превратились в символические фигуры… Свыше 60 лет, сменяя друг друга, страной правили два клана – андонские Кимы и пхунъянские Чо. Они проводили политику, отвечающую интересам своих кланов, установили деспотические порядки… Действия кланов порождали произвол чиновников, вели к возникновению все новых налогов, усиливали тяготы и страдания простого народа.

Среди местных чиновников, которые опять вышли из-под контроля центрального правительства, царили коррупция, мошенничество, безнравственность. Это поставило государ-

ственную казну в крайне тяжелое положение (основными источниками дохода служили поземельный, военный и натуральный налоги).

Местные чиновники не гнушались никакими способами, чтобы увеличить свое богатство, они ужесточали поборы, прикарманивали собранные средства, взваливая на плечи крестьян непосильное бремя и опустошая государственную казну.

Неурожаи и эпидемии привели к массовому росту числа голодающих и беженцев, крестьяне терпели неслыханные бедствия. Однако жалобы народа не доходили до двора. Терпению народа наступил предел. То тут, то там вспыхивали народные восстания, во главе которых, как правило, становились обедневшие местные дворяне… Так произошли и восстания в Чинджу и Кэрёне при короле Чхольчжоне (1849–1863). Общество пребывало в состоянии хаоса, жизнь стала невыносимой и жестокой…

К 1860 году Корея столкнулась со сложными внутренними и внешними проблемами. Просуществовавший свыше шести десятилетий режим правления дворянских кланов привел к развалу общественно-политической системы страны. Население бедствовало. Повсеместно вспыхивали народные восстания…» (История Кореи. «Международное Радио Кореи», KBS. Институт международного образования при министерстве просвещения Республики Корея. Сеул, 1995).

И, наконец, письменное свидетельство самих корейцев-переселенцев. В 1885 году представители Хабаровского корейского общества в докладной записке городскому полицеймейстеру так писали о своем прошлом: «В бывшем нашем отечестве, Корее, малый надел земли, постоянный неурожай хлебов, громадные налоги, деспотическое правление начальства, как это вообще свойственно нецивилизованным азиатским правителям, вынудило нас во избежание смерти от голода, жестокого наказания корейского начальства за недоплаченные гроши недоимки, переселиться в Россию, исключительно в Приморскую и Амурскую область, тем более потому, что у нас, в Корее, постоянно распространяется молва (что оказывается в действительности) о гуманном отношении к подведомственному народу русского начальства, о громадном пространстве русской территории, богатой плодородной почве и об умеренных налогах».

Почему не раньше?

Возникает только один вопрос: что же мешало корейским крестьянам переходить на эти территории, фактически бывшие бесхозными, до начала 1860-х годов? В советской и российской исторической литературе, как мы уже показали, считается, что на неразграниченных до 1860 года областях «между рекой Уссури и морем» корейцы по каким-то причинам массово не проживали (в отличие от китайцев-манз). Этим вопросом задается и процитированная нами выше С.Г. Нам: «Тогда чем объяснить то, что территория Южно-Уссурийского края, отделенная от Корейского полуострова не какой-либо могучей стихийной преградой типа Великого Тихого океана или неприступного Гиндукуша, а всего лишь относительно небольшой, проходимой во многих местах вброд рекой Туманган…, до 1863 года оказалась столь недостижимой и недосягаемой для корейцев?».

Этот вопрос также подробно рассмотрен в уже упоминавшейся работе А.И. Петрова «Корейская диаспора на Дальнем Востоке России…». По его мнению, главную роль играл категорический запрет на эмиграцию из страны: законы королевства Корея под страхом смерти запрещали подданным покидать свою этническую родину. К тому же китайское правительство в лице маньчжурских чиновников также требовало от Кореи прекратить переселение корейских крестьян на ставшие российскими земли. По мнению А.И. Петрова, «переселение корейцев на территорию России воспринималось китайскими властями… как усиление присутствия русских, что было для них крайне нежелательным». Более подробно этот аспект проблемы переселения корейцев рассмотрен в работе того же автора «Корейская эмиграция на российский Дальний Восток и позиция цинского Китая: 1864–1884 гг.». Кроме того, у китайских и корейских чиновников были и чисто корыстные соображения: в лице корейских крестьян, покидающих свою страну, они лишались некоторой части своего личного дохода в виде налогов и поборов. Тут уместно напомнить уже приводимую выше цитату из воспоминаний Е.С. Бурачка: о том, что «китайские чиновники… лишаются нескольких лан серебра… с каждой семьи» (имеется в виду – уходящей из Кореи).

Выводы А.И. Петрова достаточно категоричны: «… Корейцы решили переселяться в Южно-Уссурийский край только в 1862 г., когда узнали от… И.Ф. Черкавского… о вышедшем в России законе, предоставлявшем колонистам Приамурья и Приморья большие льготы…» (Корейская диаспора на Дальнем Востоке России…). Автор также ставит под сомнение утверждение Б.Д. Пака о том, что И.Ф. Черкавский якобы «не разрешал» корейцам переселяться на русскую территорию: «На самом деле корейские крестьяне сами не желали этого до тех пор, пока не узнали о льготах для поселенцев Амурской и Приморской областей, кем бы они ни были – русскими или иностранцами… Решающее значение на их решение переселиться в пределы Русского (так у автора; вернее, конечно, Российского – В.П.) государства оказал закон 27 апреля 1861 г., который на 20 лет освобождал их от всяких налогов. Известие о наличии такого закона послужило толчком для иммиграции первой группы корейских семей (там же). И еще один довод А.И. Петрова заслуживает внимания: «Если бы они (корейские крестьяне – В.П.) переселились в Посьетский участок до того, как Уссурийский край стал российской территорией, т. е. до 1860 г., им все равно не удалось бы избежать налогов и просто поборов со стороны маньчжуров Хуньчуня и корейский властей провинции Хамген» (там же). С чем, конечно, трудно не согласиться…

Итак, основные выводы исследователя А.И. Петрова таковы: «Главной причиной корейской иммиграции и в особенности первой группы корейских семей явилось стремление улучшить свое материальное положение за счет того, что в России им не надо было в течение 20 лет платить никаких налогов… Основным источником корейской иммиграции

в Россию стало беднейшее крестьянство, как наиболее бесправная часть населения Кореи, страдающая от непомерных налогов, произвола помещиков и чиновников».

Попытки российских властей управлять переселением

До 1865 года практически все вопросы, связанные с иммиграцией корейцев в Россию на ее восточной окраине, решались непосредственно на месте или на уровне не выше губернаторского. Собственно, относительно небольшое количество таких переселенцев и не требовало участия столичных властей (напомним, что никаких официальных отношений между Кореей и Россией не существовало). Претензии корейских и китайских (точнее маньчжурских) чиновников можно было просто игнорировать, а практическая польза от корейцев-переселенцев была достаточно ощутимой – даже не говоря о перспективах использования их труда, которые становились уже вполне понятными.

Несколько забегая вперед, приведем цитату из отчета штабс-капитана Генштаба П.А. Гельмерсена 1865 года (подробнее о его инспекционной поездке будет рассказано ниже). Познакомившись с жизнью и бытом обитателей корейской деревни Тизинхэ, он писал: «Я считаю поселение их в наших пределах делом не только полезным, но и существенно важным для будущности этого края, богатого всем, кроме рабочих рук… А это едва ли не главное, потому что теперь всякое предприятие в этом крае останавливается недостатком рук для его выполнения. Первое применение корейцев могло бы быть на копях каменного угля в Посьете. Не говоря уже о том, что от корейцев скорее всего можно ожидать сбыт хлеба для войска, что дает прямой барыш от понижения цен, мы получим ту выгоду, что положим основание для будущего развития края, облегчая русским его заселение тем, что они придут сюда и найдут многое на месте, что теперь нужно возить за тысячи верст, а, с другой стороны, привлечем иностранный капитал на промышленные и торговые предприятия».

Военный губернатор Приморской области контр-адмирал П.В. Козакевич 14 января 1865 года отправил из г. Николаевска следующее донесение председательствующему в Совете ГУВС (Главное Управление Восточной Сибирью):

«Я доносил г. генерал-губернатору Восточной Сибири о намерении корейских подданных переселиться в наши пределы в соседстве залива Посьета. В прошлом году (отметим, что о переселении 1863 года П.В. Казакевич не упоминает – В.П.) около 30 семей корейцев прибыло к нам со скотом, по донесению начальника поста, они с необыкновенным усердием принялись за полевые работы, устройство помещений и к концу лета не только устроились, но и успели приготовить и засеять столько ярового хлеба, что предлагают даже продать небольшое количество гречи, такие результаты в столь короткое время заставляют чрезвычайно ценить подобных переселенцев, особенно имея в виду, что правительство без всяких почти расходов приобретает отличных хлебопашцев, которые в скором времени могут снабжать хлебом наши войска, расположенные в Южных гаванях, и я считал бы необходимым принять некоторые меры к обеспечению положения этих переселенцев.

В будущем году собирается к нам переселиться еще около 100 семей, но, по сведениям полученным от начальника поста, видно, что китайское Хунчунское начальство, которое постоянно отличается своими придирками и притеснениями, сообщило корейскому правительству о принятии мер к прекращению этого переселения и вытребовании даже тех, которые уже устроились.

Но имея в виду, что с корейским правительством у нас не существует никаких трактатов, и что принятие русского подданства дозволено всем иностранцам без испрашивания на то разрешения своего правительства, я считал бы полезным в видах большего ограждения переселившихся корейцев от придирок корейских и китайских начальств зачислять их в государственные крестьяне, что необходимо делать таким образом, чтобы это становилось известным и было видимо для соседнего китайского начальства».

Как видно из текста, П.В. Козакевич подходил к проблеме корейских переселенцев вполне практически, прекрасно понимая, что «отличные хлебопашцы» при отсутствии в крае иного крестьянства могут хотя бы частично решить острую продовольственную проблему. Кроме того, переселяющихся в практически неосвоенную местность корейцев можно было использовать как крайне дешевую (а порой и вовсе бесплатную) рабочую силу, что, заметим, впоследствии и произошло. Доведение всех обстоятельств этого непростого вопроса до высшего руководства России вынудило столичных чиновников наконец-то обратить внимание на корейских иммигрантов.

Миссия штабс-капитана Гельмерсена

11 июня 1865 года генерал-губернатор и командующий войсками Восточной Сибири генерал-лейтенант М.С. Карсаков пишет из Петербурга военному губернатору Приморской области, контр-адмиралу И.Б. Фуругельму, только что сменившему П.В. Козакевича: «Признавая необходимым более близкое ознакомление с Кореей и положение начала торговым отношениям между пограничными жителями наших и Корейских владений, я считаю полезным командировать Генерального штаба штабс-капитана Гельмерсена в гавань Посьета с тем, чтобы он оттуда предпринял поездку в корейские владения к ближайшему пограничному областному правителю от имени Вашего Превосходительства, с прилагаемым при сем сообщением, которое будет сверх русского текста переведено на китайский язык.

Препровождая при сем к вашему превосходительству копию с предписания, данного мною по этому предмету штабс-капитану Гельмерсену, покорнейше прошу вас во всем, что будет относиться до настоящего дела, действовать сообразно с теми видами и соображениями, о которых мы с вами имели уже словесное совещание, и со своей стороны дать г-ну Гельмерсену дополнительные указания».

Почему с такой важной миссией был послан именно штабс-капитан П.А. Гельмерсен? Дело в том, что он побывал в Южно-Уссурийском крае (и конкретно в Посьете) годом раньше – как офицер Генштаба, то есть военный разведчик. В предписании, данном ему тогда, говорилось: «Ввиду возможности военных действий весьма важно подробное исследование путей, ведущих к восточным, а в особенности к южным гаваням Уссурийского края, от занятых уже нами пунктов в этом крае… При предстоящих в Уссурийском крае исследованиях Вам необходимо: во-первых, определить, в какой степени разведанные Вами пути удобны для прохождения всех родов войск, какие встречаются к этому препятствия и какие необходимо произвести работы для устранения этих препятствий; и, во вторых, произвести съемки по этим дорогам и составить подробные маршруты. При этом считаю нужным присовокупить, что Вам должно будет разведать путь с Раздольного поста на Суйфуне к заливу Посьет…» (А.А. Хисамутдинов. Terra Incognita или Хроника русских путешествий по Приморью и Дальнему Востоку. Владивосток, издательство ДВГУ, 1989).

Предварительно, примерно за две недели до его нового откомандирования в Южно-Уссурийский край, П.А. Гельмерсен подал начальству докладную служебную записку, датированную 23 мая 1865 года. В ней он, в частности, писал: «Когда я видел Тизинхэ в мае 1864 года, все переселенцы были уже в домах, построенных, правда, наскоро, низеньких и тесных, но в которых корейцы могли хорошо зимовать по своей привычке жизни в холодных мазанках; земли было вспахано очень много по тем средствам, которыми можно было располагать, а средства эти были очень ограничены, потому что у многих даже не было скота, а земледельческие орудия у них были самых первобытных форм и до того неудобные, что, например, соху нужно было через каждый шаг встряхивать, чтобы сбросить с нее пласт. Несмотря на это, сделано было уже очень много и селение представляло очень оживленный вид и при всей бедности новых жителей у них не было видно обыкновенных спутников бедности – грязи и лени». Заметим, что к лету 1864 года в долине р. Тизинхэ насчитывалось около 140 жителей-корейцев в составе 30 семей.

Тем же числом, что и письмо И.В. Фуругельму, то есть 11 июня 1865 года, М.С. Карсаков выдает следующее предписание П.А. Гельмерсену:

«Признавая необходимым более близкое ознакомление с Кореею и положение начала торговым сношениям между пограничными жителями наших и корейских владений, я считаю полезным командировать ваше высокоблагородие в гавань Посьета, с тем, чтобы вы в сопровождении переводчика и одного или двух нижних чинов отправились в корейские

владения, к ближайшему пограничному областному правителю, от имени военного губернатора Приморской области, с прилагаемым при сем сообщением, которое будет сверх русского текста переведено на китайский язык. При совершении вашего путешествия, вы будете иметь в виду приглашение как местных властей, так и местных жителей к дружественным административным и торговым сношениям с нашими властями и жителями. Вы не упустите направить всю вашу наблюдательность на приобретение, по возможности, более точных сведений о географических, статистических, этнографических и экономических условиях той страны, по которой вам придется совершить путешествие.

Затем в сношениях ваших с корейскими властями и дальнейших действиях вы примете к руководству и исполнению те наставления, которые лично от меня получили.

Все сведения по возвращении вашем из Кореи вы лично представите военному губернатору Приморской области и вернетесь в Иркутск, где представите мне полный отчет в вашей поездке.

Военного губернатора Приморской области я прошу об оказании вам надлежащего содействия, к исполнению вышеизложенного на вас поручения.

Лошадей для предстоящего вам путешествия, если не будет свободных на посту, вы купите на счет суммы, которая вам будет отпущена, и после сдадите их на посту.

В Иркутске вы получите из Комиссариатской комиссии прогонные деньги по Амурскому (где следует вьючному) положению, по 1 р. 50 коп. суточных денег на 6 месяцев; 300 р. на подъем и 300 р. по шнуровой книге на экстраординарные расходы, наем переводчика и проводников, подарки, продовольствие казаков или нижних чинов и проч. Кроме того, вы получите от казначея Главного управления Восточной Сибири подарки для корейского областного начальника, и во время поездки заграницею предоставляется вам выписывать из экстраординарной суммы по 4 р. 50 коп. в сутки дополнительных порционов».

Поездка П.А. Гельмерсена прошла, судя по его обширному отчету, вполне успешно. Штабс-капитан Генштаба не только провел полную инспекцию корейских поселений близ залива Посьета, но и сделал далеко идущие выводы из собранных сведений, осмелившись даже покритиковать решения местных властей. Выше уже было отмечено, что военный губернатор Приморской области П.В. Козакевич еще 4 апреля 1865 года был уволен от должности по состоянию здоровья; сменил его П.В. Фуругельм, так что П.А. Гельмерсен, собственно, ничем не рисковал, высказывая свое мнение о действиях предыдущего начальства.

Приводим выписку из отчета П.А. Гельмерсена о поездке в гавань Посьета в 1865 году:

«Относительно переселения в наши пределы корейских семейств, я могу добавить очень немного к тому что изложено в записке моей от 23 мая 1865 г., но должен сказать, что эмиграция корейцев вовсе не секрет для их правительства, и что возврат на родину не запрещен им так строго, как они уверяли вначале, вероятно с тою целью, чтобы придать более значения своему переходу к нам. Многие корейцы приходит в Посьет только в рабочую пору и по уборке хлеба возвращаются домой. Некоторые с тем, что взять свои семейства, другие же с тем, чтобы прийти опять к полевым работам. Сверх 360 душ, переселившихся до 1 декабря, было у нас еще и немалое число таких бездомных, из которых многие приходили только навещать родственников. Начальник города Кье-Хына упомянул о переходе его соотечественников заграницу только под конец второго нашего свидания, но я отклонил разговор. Если я не ошибаюсь, то легкость возврата корейцев заставит местные власти быть несколько осмотрительнее в деле переселения, чтобы не потерять силу остановить его, если накопление корейцев сделается неудобно, вследствие того, что они приобретут слишком большой перевес над русским населением. Нужно впрочем сказать, что корейцы далеко не так опасны для колонии как китайцы, что вероятно происходит от низшей степени образования и большей переимчивости и подвижности в характере, которая делает корейца во многом похожим на японцев. Вообще в них не заметно того безотчетного предпочитания своего

всему другому и того национального застоя, который так резко характеризует китайца. В Посьетских корейцах заметно желание перенимать то или другое у русских…

Хорошим средством для сближения с русскими будут служить наймы на работы в Посьете, а также немало содействует этому и легкая нравственность женщин, которые особенно быстро учатся по-русски; но нужно помнить, что чем быстрее будет идти переселение корейцев, тем медленнее пойдет их сближение с русскими, потому что будет меньше точек прикосновения. Это ясно видно на первых переселенцах, которые очень скоро начали говорить по-русски, и на последующих затем переселенцах, в числе которых многие не понимают еще ничего, хотя живут в Тизинхэ около года. Весьма полезной мерой было устройство школы, но без учителя-переводчика это невозможно и я думаю, что положенное мною основание обучения корейцев нашей грамоте уже заглохло, несмотря на поразительные способности взрослых учеников.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.